

Сказочная Академия

Тори Халимендис

16+

Тори Халимендис
Сказочная Академия

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Халимендис Т.

Сказочная Академия / Т. Халимендис — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Василиса, вчерашняя школьница, споткнувшись в темноте, падает и попадает в сказку. В сказку, где все герои оказываются совсем не такими, какими представлялись ей в детстве. Юмор, местами переходящий в стеб. Изображения для обложки взяты с сайта [pixabay](http://pixabay.com) по лицензии СС0

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Часть первая

Если хорошенько подумать, то виновата во всей этой истории моя мама, а вернее – царившая семнадцать лет назад в нашем городе мода на старинные имена. Оно-то, конечно, с одной стороны и хорошо, что меня не назвали Феклой или Евстахией, к примеру, но и Василисой быть тоже как-то не в кайф. Особенно если учесть, что полностью произносить мое имя лень было даже школьным учителям, так что шла я по жизни Васькой, как соседский кот. Ну да ладно, вот родители моего одноклассника и вовсе учудили и обозвали сына в честь деда Лапанальдом, вот над тем бедолагой не то, что класс – вся школа потешалась, так что мне грех жаловаться, Васька звучит еще и неплохо. Куда хуже было то, что выпускной мы уже отгуляли, до сентября, а следовательно, до учебы в универе, оставалось еще все лето, вот родители и сослали меня в колхоз к двоюродной бабке Любе.

– Воздухом свежим подышишь, сил перед учебой наберешься, – уговаривала меня мама.

Папа сидел молча, не решаясь спорить, ибо мама у нас – леди даже не железная, а чугунная, пройдетя паровым катком, раздавит и не заметит.

– Я бы лучше в Турцию, – робко заикнулась я.

– Ах, в Тууурцию, – угрожающе протянула мама. – С Зинкой, небось?

Зинку мама недолюбливала. Точнее, недолюбливала она большей частью Зинкину маму, Клару. Та вообще-то по паспорту была Клавдией Сергеевной, но давно уже переделала собственное имя в более, по ее представлениям, благородное, да и отчество отбросила. А самым лучшим способом нажить себе врага в ее лице было обратиться к ней "тетя Клава". Вот этого преступления Клара никому не прощала.

Ясное дело, ни в какую Турцию меня не отправили. И вместо Анталии я оказалась в чудном местечке под названием Козополье.

Романтика в Козополье, правду сказать, была. Особая, деревенская. По вечерам два раза в неделю – по вторникам и четвергам – козопольская администрация в целях экономии отключала на три часа электроэнергию. Причем, как узнала я спустя несколько дней, график этот был выработан после долгих споров и препирательств. Дело в том, что с шести до семи по центральному каналу транслировали сериал "Вечная любовь", пользующийся бешеной популярностью у прекрасной половины обитателей деревни, стало быть, свет в это время был необходим. Глава администрации о том уведомлен не был, потому первоначально в графике отключений значилось "с шести до девяти". Но следствием сего прискорбного факта явились многочисленные бытовые травмы несчастно мужика – грозная супруга, чей вес давно уже перевалил за центнер, доходчиво пояснила мужу, сколь сильно ее расстроила невозможность узнать, поцеловались ли Розита и Андреас во время пятнадцатого свидания. И пусть буквально в следующей серии выяснилось, что к поцелуям влюбленная пара так и не перешла, поскольку героиня дала обещание умирающей троюродной бабушке хранить целомудрие до свадьбы и позволять жениху только брать себя за руку, урок несчастный мэр запомнил накрепко.

Идею отключать свет с семи до десяти не поддержали уже местные мужики, поскольку как раз в девять на местном канале показывали любительские матчи между "Волками Козополья" и "Воронами Козопасья". Путем длительных и бурных дискуссий – а также нескольких драк – был достигнут компромисс: во тьму деревня погружалась с одиннадцати и до двух ночи. Мне, правда, непонятен был смысл такой экономии, поскольку как раз в это время деревенские жители укладывались спать, однако же администрация весьма собой гордилась и даже подала в область некую бумагу в расчете на премию.

Так вот, о романтике. Благодаря сей чудной экономии, я, как человек непривычный к раннему отходу ко сну и вообще сова городская обыкновенная, имела счастье буквально погрузиться в атмосферу прошлого при помощи чтения при свечах. Помимо свечей у бабы Любы

имелся еще и карманный фонарик, но тому было отведено строго раз и навсегда определенное место на полочке у входной двери – исключительно из практических соображений. Дело в том, что такое благо цивилизации, как санузел, в козопольских домах не предусматривалось. Видала я как-то рекламу спа-отеля в Тае, так там отдельно упоминался душ на свежем воздухе. Ха! Куда тому Таю до Козополя, у местных аборигенов такое спа в каждом доме. Ну и дощатая будочка для размышлений в углу участка, само собой. Неудобно, зато экологично. Хорошо еще, что на зимние каникулы меня драгоценные родители дышать свежим козопольским воздухом не отправляли, а летом ничего, жить можно.

Два раза в неделю, когда гас не только свет в домах, но и единственный фонарь на бабы-Любиной улице, я, чертыхаясь, шлепала через огород, светя фонариком себе под ноги и с осторожностью делая очередной шаг. Первый-то раз я промаршировала вполне себе бодро – ровно до тех пор, пока не споткнулась о поливочный шланг и не пропахала носом землю. С тех пор, наученная горьким опытом, я стала гораздо предусмотрительнее.

Еще романтизму добавляло брэнчание на расстроенной гитаре местного ловеласа Вовки. Вовка беспощадно дергал струны и завывал хит лохматых девяностых "Дым сигарет с ментолом", а местные девицы млели. Причем ни горе-певцу, ни его дружкам, ни восторженным девицам темнота помехой не являлась. Они рассаживались на лавочках у клуба и "культурно проводили время". И ведь не придерешься же – действительно культурно: песни поют, анекдоты травят. Поскольку поблизости от клуба никаких домов не было, а были так называемый парк (несколько чахлах тополей и невесть как затесавшаяся среди них развесистая липа) и свалка за задним двором, то культурную молодежь никто со скамеек не гонял. Но вот разносящееся в полной темноте "Пьяный угааар качаает" меня изрядно напугало, когда я впервые вышла ночью во двор.

Меня парни тоже зазывали "посидеть на лавочке", а я обещала подумать. К общению с Вовкой и его друзьями я вовсе не стремилась, но не смотреть же телевизор с бабой Любой каждый вечер? Взятые с собой из города романы заканчивались, а иных развлечений в Козополье предусмотрено не было.

Здесь надо бы заметить, что я, как "городская", вызывала у парней повышенный интерес. Девицы же, случись им столкнуться со мной в местном сельпо, гордо именуемом "мини-мегамаркетом", здоровались через губу, но я не сильно расстраивалась и в подружки к ним не набивалась. Иной раз даже жалела, что вряд ли у меня получится незаметно сфотографировать их "вечерние туалеты", чтобы потом поржать вместе с Зинкой. Но если бы меня застукали за подобным занятием, то мне уж точно было бы не до смеха – козопольские бабы на расправу были скоры и круты – история с женой мэра тому подтверждение – а девицы от своих мамаш не отставали. Достаточно мне было и того, что при виде меня они переходили на другую сторону дороги, чтобы не здороваться. Смешно, ей-богу, на тех дорогах две тетки бабы-Любиной комплекции разминались-то с трудом, но девицы задирали носы, смешно шурились и делали вид, будто близоруки настолько, что в паре метров от себя ничего и разглядеть не способны. Я уж даже начала обдумывать идею презентовать им в качестве благотворительности по собаке-поводырю, ну или хотя бы по палке каждой. Остановила меня только мысль о том, что даже самые уродливые трости, типа той, с которой передвигался дед Никита, никто мне бесплатно не даст. А покупать их даже по оптовой цене я не была готова – перебыются, козы козопольские.

В тот четверг я уже привычно брела через огород к дому, как вдруг фонарик в моей руке пару раз мигнул и погас – видимо, батарейки сели. Я только успела порадоваться, что произошло это несчастье уже на обратной дороге и мне не придется искать отхожее место на ощупь, когда опять запнулась о злополучный шланг и, разумеется, упала. Ну да, с моим-то счастьем иного ожидать не приходилось. Фонарик вылетел из руки и откатился куда-то в темноту. Чертыхаясь, я принялась на корточках передвигаться по огороду, шаря по земле руками и радуясь, что споткнулась я около грядок с помидорами, а не у колючих кустов крыжовника. Найти

фонарик надо было кровь из носу, иначе поутру меня ожидала знатная головомойка от бабы Любы, и без того любившей поворчать по поводу моих "городских замашек". Мысли о том, что она скажет, узрев утром раскуроченные грядки, отчего-то мою светлую голову не посетили. А зря, лучше бы я оставила поиски на светлое время суток. Так вот, пока я ползала, луна совсем скрылась за тучами. Вокруг установилась темень непроглядная. Ругаясь уже словами совсем неприличными, я постепенно продвигалась предположительно в сторону забора. А потом из темноты кто-то позвал меня:

– Василиса!

И этот кто-то определенно не был бабой Любой, поскольку голос принадлежал мужчине.

– Вовка, ты, что ли? – безрадостно спросила я.

Мысль о том, чтобы предстать перед первым парнем Козополя с содранными коленями и перепачканными руками, как-то не вдохновляла.

Если бы я соображала побыстрее, то догадалась бы, что никакому Вовке не разглядеть ничего в этакой кромешной тьме без прибора ночного видения – а таких у козопольских парней не имелось. Но нет, в тот момент все мои мысли оказались заняты проклятушим фонариком, так что я продолжала безуспешно угадывать:

– Степка? Димка? Гарик?

Никто из вышеупомянутых парней не откликнулся, зато где-то рядом прошелестело потусторонним голосом:

– Василиса, иди сюда!

– И вовсе не смешно, – обозлилась я. – Лучше бы фонарик найти помогли, чем прикалываться. Спички есть?

Ответа на свой вопрос я не получила и, разозленная, поднялась на ноги, чтобы высказать шутникам все, что я о них думаю.

Вот только, сделав шаг, поскользнулась – даже думать не желаю, на чем именно – и, взмахнув руками, стала заваливаться на бок. Не упала я по той лишь причине, что кто-то меня подхватил. По глазам резануло ярким светом, и я зажмурилась, а когда проморгалась, то печально констатировала:

– Глюк.

– Милослав, – поправил меня густой сочный бас.

– Говорящий глюк, – печально вздохнула я и закручинилась.

И в самом деле, как мне было не опечалиться, если в паре шагов от себя я разглядела мужика в на редкость странной одежде. Похоже, глюк по имени Милослав подрабатывал в театре костюмером и получил зарплату реквизитом. А что, мама рассказывала, в девяностые практиковали подобное: платили работникам продукцией. Соседу дяде Лене вон выдали как-то килограмм гвоздей. А стоящий рядом со мной Милослав был обряжен – иного слова не подберу – в ярко-красную шелковую рубашу без пуговиц навывпуск и широкие штаны, заправленные в блестящие сапоги. А на дворе-то лето, между прочим. И пусть Козополе далеко не Анталия, но летом здесь теплую обувь все же не носили.

Глюк Милославский тем временем тоже меня разглядывал, пристально и не без удивления. А затем задал вопрос, блестящий оригинальностью:

– Ты кто?

Мда, не дело это, конечно, собственные галлюцинации этикету обучать, хотя, с другой стороны, кому как не мне этим заниматься? Раз глюк мой, то и ответственность за его поведение несу тоже я.

– Вообще-то в приличном обществе здороваться принято, – ехидно заявила я и тут же на себя рассердилась.

Ну действительно, с чего это я взяла, что попала в приличное общество?

– Здравсьте, – обиженно пробурчал Милослав. – Так кто ты?

Настырный какой! Но раз уж я взялась обучать его правилам поведения, то и самой хамить не стоит. Он-то мне представился.

– Василиса я! – заявила и тут же осознала абсурдность ситуации.

Как-то не припоминаю, чтобы пациенты психушек знакомились со своими галлюцинациями. С другой стороны, психов (во всяком случае, со справкой) среди моих знакомых не водилось, так что я могла о данном факте попросту не знать. Но Милославу и здесь удалось меня удивить. Он вытаращился на меня самым неприличным образом и выдал совсем уж неожиданное:

– Ты – Василиса? Да быть того не может!

Вот тут обиделась уже я. Чтобы мой личный глюк посмел сомневаться в моих же словах? Ну уж нет!

– Паспорт показать? – спросила я и тут же прикусила язык, вспомнив, что в санитарный домик ходить с документами как-то не догадалась.

– погоди, Милослав, – раздался приятный голос с хрипотцой из-за моей спины. – Разобраться надо.

Я резко обернулась, чтобы посмотреть на говорившего, и поняла, что не избежать мне-таки знакомства с дядей-психиатром, если уж мне такие красавцы мерещиться стали. Мужчина был не слишком молод, но и далеко не стар – лет тридцати пяти, полагаю – высок, черноволос, голубоглаз и вообще впечатление производил на неустойчивую девичью психику очень сильное. Только теперь я догадалась, что это он, скорее всего, подхватил меня при падении. Догадалась и тут же посетовала на свою невезучесть: побывала в объятиях такого красавца и даже не успела прочувствовать всю глубину своего счастья.

– Итак, девушка, – обратился тем временем ко мне роковой мужчина, – вы утверждаете, что вы и есть Василиса?

Несколько озадаченная такой постановкой вопроса, я кивнула.

– Василиса.

– Да какая из нее Василиса, боярин? – всполошено запричитал Милослав. – Пугало она огородное, а не Василиса.

Я скрипнула зубами от злости. Нет, ну раз уж видения принадлежат эксклюзивно мне, то не могу ли я убрать противного типа, оставив только сказочного красавца? И процедила сквозь зубы:

– Сгинь! Провались, кому говорю!

– Малахольная! – шарахнулся от меня противный глюк, даже не подумав исчезать.

Какое, однако, неуважение! И не верит, и не подчиняется. Нет, как только вернусь в город, на йогу пойду. Ну или еще куда, где обучают управлению сознанием. Причем чужого мне не надо, мне бы со своим справиться.

– Милослав, – укоризненно произнес красавец со странным прозвищем, – людям надо верить.

– Ага, – прогундосил мерзкий глюк, – вот так поверишь кому, а потом ложек не досчитаешься.

– Каких ложек?

– Ну или вилок. Или еще чего в хозяйстве нужного. Ну уж нет, боярин, вы-то сами как пожелаете, а я доверять всяким-разным не намерен. Не то у меня положение, потому как ответственность на мне большая.

Дурацкое препирательство мне порядком поднадоело, и я решила вмешаться. Благо, и вопрос назрел, пусть и не больно важный.

– А почему у вас кличка такая странная?

– Какая кличка? – изумился Мужчина Великолепный.

– Боярин. Ведь не могли же родители вас в самом деле так обозвать. Хотя не мне о том судить, конечно, – стусевалась я.

Теперь уже оба глюка – прекрасный и противный – уставились на меня с одинаковым недоумением.

– А что я говорил? – на Милославской физиономии проступило редкостное самодовольство, отчего она стала еще противнее. – Как есть малахольная.

Желание стукнуть его кулаком по выдающемуся во всех смыслах носу было столь нестерпимым, что у меня даже руки зачесались, но я велела себе стоять спокойно. Мысль о том, что в присутствии привлекательного мужчины женщина должна выглядеть трепетной ланью, а не бой-бабой нам с Зинкой накрепко вбила в головы Клара.

– Ни один мужчина, девочки, не желает чувствовать себя слабаком, – поучала она нас, изящным постукиванием расписанного цветами и бабочками ноготка сбивая пепел с длинной тонкой сигареты. – Мужчины хотят быть принцами, но – только для принцесс. Читайте сказки, мои дорогие, там вся многовековая мудрость. Разве хоть одна принцесса сама перековывала коня? Так нечего и нынешним женщинам самостоятельно менять резину. И сражаться всегда доводилось именно принцам, а принцессы только хлопали ресницами и восхищались.

Клара знала, что говорила. Нынешний ее муж, Эдик, четвертый по счету, был всего на семь лет старше нас с Зинкой. Клару он обожал безмерно и выполнял все ее прихоти. Да и экс-мужья исправно снабжали бывшую деньгами, дарили дорогие подарки и мчались на помощь по первому зову. Оттого-то мы и внимали Зинкиной матери, затаив дыхание – когда еще услышишь откровения самого настоящего гуру? Подозреваю, она и в тот памятный вечер не стала бы делиться с нами своими секретами, если бы не бутылка мартини, приконченная ею в одиночку в честь временного освобождения от семейной жизни – Эдик с друзьями отправился на футбольный матч в соседнюю область и вернуться должен был лишь под утро.

Вовремя припомнив откровения Настоящей Женщины, я застыла столбом и похлопала ресницами в сторону Боярина, ожидая, когда он за меня вступится.

– Вообще-то, – медленно протянул красавчик, глядя на меня с непонятной жалостью, – я и есть боярин. Из славного рода бояр Беспределкиных, между прочим.

– А? – глубокомысленно выдала я, потом задумалась и дополнила вопрос. – Беспределкиных?

– Иван Алексеич, славный мой предок, беспределом на большой дороге занимался, – охотно пояснил Боярин. – Гра... кхм... неважно. А в бояре его пожаловал сам царь, когда по незнанию напал Иван Алексеич на карету, в коей друг царский ехал.

–Постойте, – не поняла я, – получается, ваш Иван царского друга убил, а его за это – в бояре? Нелогично как-то.

– Не убил, – поправил меня славный потомок беспредельщика, – а токмо огра... Тьфу, ценности реквизирует. А потом оказалось, что другу царь денег должен – в картишки проиграть изволил. Так вот, Иван Алексеич царю его долю законную отдал, и тот с другом расплатился.

– Мошенник, – вынесла я вердикт.

– Кто – царь или Беспределкин? – живо поинтересовался Милослав.

– А оба.

Красавчик нахмурился, а Милослав залился хохотом, но, поймав взгляд боярина, закашлялся.

– А я что, – забормотал он, – ничего я. Мое дело маленькое, ходить да за порядком присматривать. А в царские заботы я не лезу, не по чину мне.

Беспределкин посмотрел на него с подозрением, но все же повернулся ко мне – не то решил оставить выходку Милослава без внимания, не то собрался устроить разгон позже, без лишних свидетелей, то бишь без меня. Едва додумав сию замечательную мысль, я тут же спо-

хватилась: как это без меня? Мои глюки отдельно от меня существовать не могут. Как оказалось, у глюков на сей счет имелось свое мнение.

– Давайте начнем сначала, – предложил мне Беспределкин.

– Давайте, – согласилась я, не вполне понимая, что именно нам следует начинать.

– Итак, меня зовут Венедикт Распопович Беспределкин, – чинно представился красавчик, который, признаться, с каждой минутой казался мне все менее привлекательным.

Честно говоря, я уже даже считала, что от плаката с Бредом Питтом толку больше – Бред хотя бы молчит.

– Понятно, Веник, – кивнула я.

Милослав подозрительно закашлялся, будто туберкулезник.

– Венедикт Распопович, – занудно поправил меня изрядно упавший в моих глазах Глюк Прекрасный.

И тут до меня дошло! Это его папашу, получается, Распопом звали? Ну ничего себе фантазия у деда с бабкой Беспределкиных была! Все, в жизни больше не упрекну маму за то, что дала мне столь дурацкое имя. И над Лапанальдом смеяться не буду, ни на одной встрече выпускников, нет-нет.

– А вы, стало быть, Василиса, – продолжал Распопович. – Вас-то мы и искали.

– Боярин, – вмещался Милослав, – говорил я вам, что пить меньше надо. А вы заладили: чудный самогон, когда еще такой конфисковать доведется. Вот мы с пьяных глаз-то и промазали. Явно ведь не эту девку искали.

Я нахмурилась. Наглость глюка превзошла всяческие пределы.

– Давайте вернем ее обратно, – канючил Милослав. – Другую Василису поищем.

– Не выйдет, – вздохнул Веник. – Придется принимать.

– Эй-эй, – забеспокоилась я. – Чего принимать? Зачем?

– Вооот! – радостно взвыл Милослав. – И я говорю: не надо!

– Надо! – отрезал Беспределкин.

Глагол "принимать" сочетался у меня в основном с существительными "меры" и "пилюли", оттого-то я и пригорюнилась. Ни того, ни другого мне не хотелось. Есть, конечно, еще вариант "принять на грудь", но, судя по словам Милика (это я Милослава так для краткости называть решила), на грудь мои глюки принять уже успели. Возможно, именно этим и объяснялось их странное поведение.

– Итак, уважаемая Василиса, – торжественно провозгласил Веник, – имею честь объявить вам, что вы приняты на первый курс Сказочной Академии имени Яйца и Иглы.

Я поперхнулась.

– Кого имени?

– Яйца и иглы, – немного смущенно повторил Распопович. – Это ректор наш, Иван Кошевич, так ее назвал. Хотя споров по поводу названия было... мда...

Еще бы! Я была удивлена, что ректору с дивным отчеством (у них эпидемия, что ли – детей так обзывать – в свое время была?) удалось название таки отстоять. По-моему, на такие пациенты не всякой психушки согласятся. И тут до меня медленно дошла вторая часть сказанного.

– Куда это я принята? Не подавала я документы во всякие Яйца и Иглы. Я в универ поступила, вот! – последнее предложение прозвучало гордо. – На истфак!

Беспределкин начал терять терпение.

– Какой истфак? При чем здесь истфак? Так, Василиса, времени у нас мало, давайте-ка руку и пойдем.

На всякий случай я спрятала руки за спину.

– Боярин! – запричитал внезапно Милослав. – Смотрите, смотрите! Ох, задержались мы здесь.

Я невольно бросила взгляд туда, куда тыкал пальцем мужик, и увидела странное нечто, больше всего похожее на клубящийся туман. Станным было то, что туман этот концентрировался в одном месте, не расползаясь за его пределы. Отчего-то вспомнился фильм про Ивана Васильевича, того самого, что профессию менял, и мне как-то сразу стало не по себе.

– Пора!

Поскольку я накрепко сцепила руки за спиной, да еще и пальцы переплела для верности, гадский Веник схватил меня за плечо и буквально швырнул в туман. Я охнула, пролетела пару метров и шлепнулась на что-то мягкое.

– Ой-ой! – взвизгнуло мягкое.

Я заорала и подскочила на ноги, а затем лишь удосужилась осмотреться. Непонятным образом я очутилась на опушке леса, а рядом со мной на траве валялась пушистая лисья шуба. Я протерла глаза. Выходило, что именно на эти шкурки я и приземлилась, но кто же тогда визжал?

Тем временем из клубящегося марева вывалились Милик и Веник, после чего туман развеялся, будто его и не было.

– Ивааан Кощееевич! – заорал Беспределкин, озираясь.

– Здесь я, здесь, почто голосишь-то? – раздалось откуда-то из-за моей спины. – С природой сливаюсь.

Я резко обернулась и увидела очередного чудика. Внешностью он, пожалуй, не уступал Венику, хоть был хорош в несколько ином роде: широкоплечий зеленоглазый блондин. Чудиком же я его обозвала потому, что стоял он на одной ноге, уперев босую стопу другой в бедро и вытянув руки над головой – очень похоже на знаменитую "позу дерева", в которой я ни разу так и не смогла выстоять положенную минуту, но все же немного не то.

– А мы вам Василису доставили! – обрадовал его Распопович.

– Это боярин настоял, – тут же сдал подельника Милослав. – Я-то его уговаривал не брать девку. Ну какая из нее Василиса: ни косы, ни сарафана, тьфу, срамота одна.

Блондин опустил руки и левую ногу, натянул на нее сапог, подошел к шубе и набросил ее на плечи.

– Василису, говоришь?

– Вот она, – Веник выставил меня вперед, прикрываясь, будто щитом.

Иван внимательно оглядел меня и протянул руку:

– Рад познакомиться, Василиса. Иван Кошеевич Бессмертный, ректор Академии имени Яйца и Иглы, названной в честь моего покойного батюшки.

В мозгу у меня будто что-то щелкнуло.

– Сундук, заяц, утка, яйцо и игла! – радостно выпалила я. – Сказка про смерть Кошееву!

– Именно, – подтвердил ректор, все еще держа на весу протянутую руку.

– Простите, – ступевалась я, окончательно сообразив, с кем разговариваю.

– Ничего страшного, – сверкнул белозубой улыбкой блондин. – Тем более, что ваша информация не совсем достоверна. Все было несколько иначе.

Я наконец-то догадалась позжать протянутую руку. От вопросов о том, что же случилось с Кошеем на самом деле, решила пока воздержаться.

– Полагаю, вы уже познакомились с Вениамином и Милославом? – спросил Бессмертный. – Пойдемте, покажем вам женский терем, то есть общежитие. Милослав, кстати, там кастиеляном служит. Ну, завхозом, если так понятнее. А боярин Беспределкин в нашей Академии проректором по учебной работе является. Вопросы есть?

– Вопросы нет, – бодро отрапортовала я. – Есть возражения.

– Возражения не принимаются, – отрезал Бессмертный и направился по тропинке вглубь леса.

Поскольку я замерла на месте, Милослав довольно ощутимым пинком придал мне ускорение.

– Ай! Чего пинаешься?

– А ты жалобу на меня подай, – ехидно посоветовал он.

– И подам! – азартно пообещала я.

– Не выйдет, – скучным голосом вставил Беспределкин. – Согласно указу номер девятьсот тридцать один дробь двадцать восемь жалобы на кастеляна имеют право подавать только уже заселенные в соответствующий своему полу терем студенты.

На сию мудреную фразу я даже не нашлась, что ответить, и покорно пошлепала по тропинке вслед за ректором. Но любопытство снедало меня, и я все-таки не выдержала, спросила у Веника:

– А почему ваше начальство в шубе? Жарко ведь.

Хоть и спрашивала я шепотом, но отошедший довольно далеко Иван Кошечевич неким таинственным образом – уши-локаторы, да – услышал мои слова и ответил, даже не удосужившись обернуться:

– Потому и в шубе, что начальство. Шуба сия силу волшебную имеет, не всяк с такой совладать способен.

Псих, как есть псих! На меня внезапно снизошло озарение: должно быть, я таки знатно приложилась головой при падении в огороде, вот мне и мерещится черт-те что. А раз так, то буду делать вид, что все в порядке, пока не очнусь.

Тем временем мы вышли на большую поляну, на которой стоял двухэтажный деревянный дом – мечта эколога. Я подобный в журнале видела, там одна известная певица жила. Певица дом нахвалила – ей он обошелся в кругленькую сумму, а проект разрабатывал модный дизайнер-архитектор. Так вот, дом в лесу отличался от дизайнерского совсем незначительными деталями. Всегда подозревала, что работать дизайнером – значит получать деньги за ерунду, теперь вот убедилась. Певица-то распиналась про эксклюзивность своего жилья – ха!

– Прошу, – засуетился Милослав, забегая вперед и отпирая боковую неприметную дверцу. – Добро пожаловать, Иван Кошечевич. Чайку не желаете?

Мы вчетвером протиснулись в небольшое помещение, захламленное донельзя. Шкаф ломился от пухлых папок, три разномастных стула у стены были завалены книгами, на подоконнике, полускрытый кокетливой занавесочкой, располагался электрочайник, зато письменный стол был девственно пуст.

– У меня вот и в тайничке осталось немного от вчерашнего, – продолжал завхоз.

– Милослав! – оборвал его ректор. – Мы зачем сюда пришли?

И повел подбородком в моем направлении.

– Ах, да, – разом сник кастелян. – Новенькую оформлять. Сейчас, сейчас...

И он принялся рыться в шкафу среди многочисленных папок.

Вытащив наконец одну из них, Милослав уселся за стол и принялся перебирать бумаги, что-то бормоча себе под нос. Иван Кошечевич, тяжело вздохнув, сбросил с одного из стульев стопку книг и уселся, расставив ноги. Беспределкин последовал его примеру. Поскольку за дамой, то есть за мной, никто поухаживать не пожелал, то пришлось позаботиться о себе самой. Книги с третьего стула с громким "шмяк" приземлились прямо посреди кабинета, подняв тучку пыли. Веник закашлялся, а кастелян бросил на меня строгий взгляд, будто я совершила невесть какое правонарушение. Криво ухмыльнувшись, я уселась на стул, решив, что ни за что не стану извиняться. Могли бы и сами предложить мне присесть, в конце-то концов!

– Итак, – объявил наконец Милик, – есть свободное койкоместо в крыле "Б". Девочки-соседки хорошие, смирные: Василиса Прекрасная и Василиса Премудрая.

– С ума сойти! – вырвалось у меня. – Вы себе что, по именам студентов отбираете?

– Не только, – уклончиво ответил ректор. – Но соответствовать данному условию требуется, да. Какую-нибудь Марисабель точно не возьмем.

– Новенькую-то как записать? – вернулся к насущным делам кастелян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.